

страшенных в ту эпоху на Руси и в Западной Европе⁵. «Каролингский» меч с тупым концом клинка был вообще приспособлен для рубки. Колоть им было нельзя. Поэтому он был для пешего боя неудобен и применялся, независимо от формы рукояти, для рубки с коня.

На стр. 525—538 и 695 Б. А. Рыбаков касается вопроса об упадке ремесла в Новгороде Великом в связи с татарским нашествием. Этот вопрос заслуживает более подробного освещения. Ведь Новгород не подвергся непосредственному разорению татарами. О массовом уводе новгородских ремесленников в татарский полон у нас также нет сведений. Стало быть, задержка развития культуры в Новгороде должна быть объяснена какими-то более глубокими причинами, может быть, — сужением после татарского погрома рынка сбыта продукции новгородских ремесленников в результате общего обнищания населения Руси. На стр. 190 Б. А. Рыбаков утверждает, что нельзя говорить о производстве шерстяных пряслиц в самом Киеве. Между тем, Е. Н. Мельник говорит о наличии в Киеве на Фроловской горе мастерской пряслиц, подобной овручским, но гораздо больших размеров⁶. Если сообщаемые Мельником сведения неверны, это обстоятельство следовало бы особо отметить.

На стр. 106 автор разбирает происхождение семилопастных и семилучевых височных колец. Здесь следовало бы учесть гипотезу П. Н. Третьякова, считающего предшественником этих колец височные украшения из длинных курганов в виде дужки с пластинкой внизу и трапецевидными привесками⁷. С точки зрения структуры книги вызывает некоторое недоумение расположение разделов главы III. Здесь в разделы, трактующие об обработке металла и ювелирном деле (чернь, позолота, инкрустация, волочение проволоки, филигрань и зернь), вклинивается большой раздел — «Гончарное дело», затем идет опять отрасль ювелирного дела — «Эмаль», а потом — производство стекла. Было бы целесообразнее поменять местами разделы «Эмаль» и «Гончарное дело». Глава от этого еще выиграла бы в стройности.

Из мелких неточностей выражений укажу, что вряд ли можно называть квадратным кирпич размером 19×27 см (стр. 357).

Книга издана хорошо; иллюстрации достаточно ясны. Однако было бы желательно, чтобы столь важная археологическая работа была еще богаче иллюстрирована. Ведь 144 иллюстрации на 783 страницы текста — совсем не так много. При таком значительном объеме книги следовало бы снабдить ее указателями — именным, предметным и географическим. Несмотря на хорошее качество набора, в тексте имеется несколько досадных опечаток, перечислять которые здесь не место.

Можно было бы указать еще некоторые мелкие упущения автора и издательства, но уже из приведенного выше видно, что наши замечания носят частный характер. Недостатки книги незначительны и вызваны в подавляющем большинстве неизбежными трудностями издания большого обобщающего труда, а достоинств ее огромны. Книга Б. А. Рыбакова вполне заслуженно вошла в золотой фонд произведений советских ученых, отмеченных высшей наградой нашей страны — присуждением премии имени товарища Сталина. Долг советских ученых — историков, этнографов, археологов — продолжать работу над проблемами истории ремесла, углубляя разработку отдельных вопросов, которые по состоянию источников оказались хуже освещенными Б. А. Рыбаковым, и расширяя хронологические рамки изучения ремесла. Особенно важно изучение развития русского ремесла в XV—XVII вв., когда экономическое развитие молодого русского государства пошло вперед поистине семимильными шагами.

М. Г. Рабинович

Л. Данилевич, *Музыка на фронтах Великой Отечественной войны*, Музгиз, М.—Л., 1948.

Великая Отечественная война мобилизовала все моральные и духовные силы советского народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В этой борьбе широко было использовано советское искусство. Рецензируемая книга посвящена определению роли и места музыкального искусства в минувшей войне. Задача книги, по определению самого автора, состоит в том, чтобы показать формы музыкально-агитационной работы на фронте, условия, ей сопутствующие, и ее результаты. Автор не претендует на исчерпывающее освещение темы — музыка на фронтах Великой Отечественной войны, справедливо полагая, что полное раскрытие ее под силу только коллективу исследователей.

Работа Л. Данилевича представляет большой интерес не только для музыковедов, но также и для этнографов и фольклористов: последние найдут в ней весьма ценные сведения о развитии и бытовании музыкального фольклора на фронте, о роли и значении его в жизни советских бойцов. Ценность данной книги повышается тем,

⁵ М. Г. Рабинович, Вооружение новгородского войска, «Известия АН СССР, Серия истории и философия», т. III, вып. 6, М., 1946, стр. 555—556, рис. 2.

⁶ Е. Мельник, Отдел первобытных древностей. Каталог выставки XI археологич. съезда, Киев, 1898.

⁷ П. Н. Третьяков, Северные восточно-славянские племена, Материалы по истории и археологии СССР, № 6, М.—Л., 1941.

что автор ее, музыковед-фронтник, имел возможность наблюдать условия бытования музыкального фольклора на Южном, Северокавказском, Воронежском и Первом Украинском фронтах, а до настоящего времени мы располагаем еще далеко не достаточными сведениями о жизни фольклора на фронте¹.

Рецензируемая книга представляет собой ряд научно-популярных очерков, освещающих музыкальное творчество военных лет и музыкальную работу на фронте. В первых четырех очерках автор вскрывает идейное содержание музыкальных произведений, созданных во время войны, а также освещает деятельность ряда советских композиторов в Действующей армии и во флоте. Наибольший интерес для фольклориста и этнографа представляют последние три очерка, посвященные изучению роли песни на фронте, деятельности военных оркестров и фронтовых концертных коллективов.

Л. Данилевич отмечает ту огромную роль, которую играла песня в военном быту, и приводит фронтовую поговорку: «в ночи песня — свет, в жару — тень, в мороз — телогрейка», характеризующую отношение к ней самих фронтников. На волнующих примерах из пережитого автор показывает, как песня облегчала трудности военных походов и воодушевляла на новые подвиги. Говоря об изменениях, внесенных войной в песенный репертуар, автор подробно останавливается на проблеме использования ранее известных мелодий при создании новых песен (стр. 44—45). Автор приводит ряд удачных примеров такого использования популярных песенных мелодий («Катюши», «Кочегара», «Каховки»). Это бывает, как правило, в тех случаях, когда новый литературный текст внутренне отвечает характеру музыки. Одновременно он указывает на явное несоответствие в иных случаях музыки и текста друг другу. В качестве примеров приведена самодельная песня «Метелица» на новый лад, неудачно соединившая антигитлеровский текст с мелодией любимой русской лирической песни, а также пародия «Рыжие фрицы», исполнявшаяся на мотив народной песни «Будьте здоровы». К вопросу единства стиля музыки и текста автор возвращается еще раз (на стр. 54) при разборе произведений фронтовых композиторов. Недостаточная музыкальная культурность многих композиторов не-профессионалов проявилась в их творчестве, в частности, сочетанием мелодий опереточно-джазового, эстрадного стиля с серьезным, иногда даже глубоко трагическим текстом.

Интересные сведения об идейно-воспитательной и художественно-просветительной работе военных оркестров найдет читатель в книге Л. Данилевича. Масштабы работы оркестров на фронте огромны. Отсюда и те высокие требования, которые следует предъявлять военным дирижерам². Военный дирижер должен быть не только хорошим музыкантом, но и опытным массовиком, способным руководить армейской самодеятельностью. Много внимания уделяет автор принципиально важной проблеме руководства армейской самодеятельностью. Политорганы Советской Армии повседневно руководят работой фронтовых коллективов. Новые идейно и художественно полноценные произведения создавались именно там, где было обеспечено партийное руководство самодеятельностью.

В книге Л. Данилевича содержится ценный материал о выступлениях на фронте артистов-профессионалов, о концертах фронтовых ансамблей песни и пляски и красноармейской художественной самодеятельности. Тема фронтовой художественной самодеятельности очень мало изучена. Материалы, изложенные в настоящей работе, многое раскрывают в вопросе взаимосвязи фронтового фольклора с армейской самодеятельностью, в вопросе влияния профессионального искусства (выступлений артистов-профессионалов) на фронтовую художественную самодеятельность, однако сам автор этих вопросов совсем не коснулся.

Рецензируемая книга не свободна от ряда ошибок. Так, автор, говоря о том, что в начале войны многие из старых песен пелись с новым литературным текстом, пытается объяснить это явление тем, что, «когда совершаются большие события, искусство не всегда поспевает за жизнью» (стр. 43). Этот неверный тезис может привести к серьезным методологическим ошибкам, и сам автор убедительно опровергает его в настоящей работе, приводя целый ряд значительных музыкальных произведений, созданных советскими композиторами в первые же дни войны.

Неверно по существу употребляемая автором в отношении многих фронтовых песен терминология «варианты», «переделки». Обильно собранные советскими фольклористами произведения фронтового и партизанского фольклора позволяют говорить об этих песнях как о произведениях новых, вызванных к жизни фактами исторической действительности.

На стр. 46 автор справедливо отмечает, что степень популярности некоторых песен

¹ Из работ этого типа можно указать только на две печатающиеся в настоящее время работы фольклористов-фронтников — Л. Пушкарёва и Н. Новикова, доложенные ими в декабре 1947 г. в Институте этнографии АН СССР на совещании по вопросам собирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны.

² Для подготовки квалифицированных кадров военных дирижеров в 1944 г. на базе военного факультета Московской государственной консерватории было создано первое в мире военно-музыкальное высшее учебное заведение — Высшее училище военных дирижеров Советской Армии (ВУВД СА). Рецензируемая книга написана по плану научно-исследовательской работы этого училища.

советских композиторов не всегда соответствовала их художественным достоинствам. Он объясняет это особенностями художественного восприятия в фронтовой обстановке. Однако эта ссылка на специфику восприятия отнюдь не снимает вопрос об объективной ценности произведений советского искусства, которые обязаны, говорил А. А. Жданов, «развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед»³. К сожалению, автор недостаточно заостряет внимание на этом вопросе.

Серьезным недостатком настоящей работы является то, что автор мало внимания уделяет в ней музыкальному анализу фронтовых песен. Так, лишь вскользь затронув автор интересный вопрос переинтонирования композиторских песен в процессе и фронтового бытования; ничего не говорит автор об изменениях в музыкальном звучании лирической песни при переходе ее в строевую (явление, как известно, очень распространенное в свое время на фронте). Если бы автор полнее осветил ряд специальных музыковедческих проблем, это сделало бы книгу более интересной и полезной.

Несмотря на указанные недостатки, книга Л. Данилевича, в которой даны известные обобщения личных наблюдений, представляет значительный интерес. Фольклористы и этнографы почерпнут в ней много полезного для своей работы по изучению фольклора Великой Отечественной войны.

Б. Гершкович

Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, Новосибирск, 1948, стр. 504.

В своей статье «Советская школа в этнографии» С. П. Толстов указывал, что «основной формой обобщающего этнографического труда постепенно становится историко-этнографическая монография. Прекрасным примером таких нового типа историко-этнографических монографий является серия трудов известного исследователя народов Алтая и Южной Сибири Л. П. Потапова, в особенности «Очерки по истории Шории» и еще неопубликованная докторская диссертация «Алтайцы»¹.

Рецензируемый труд, принадлежащий перу того же автора, представляет собой солидную монографию, посвященную истории алтайских племен с древности до настоящего времени.

«Введение» излагает общие данные о расселении и самоназваниях отдельных группы алтайцев и дает краткие сведения об источниках книги, а также критический обзор истории изучения Алтая. Особо выделен параграф, посвященный изучению алтайцев за советский период. Первая часть книги (гл. I—IV) исследует историю Алтая с древнейших времен (о палеолита) до господства ойротских ханов включительно, т. е. до XVII в. Вторая часть начинается с включения алтайцев в состав русского государства (гл. I). Если первая часть делится соответственно основным историческим этапам, то во второй части наряду с историческим материалом имеются содержательные главы собственно этнографического характера об экономике (гл. V), родовом быте (гл. VI), общественном строе алтайцев (гл. VII). Последняя особенно тщательно разработана. Затем следуют разделы, анализирующие колониальную политику царизма (гл. VIII) и порожденные ею элементы капитализма (гл. IX); освещены особенности быта алтайцев того времени (гл. X—XII). Все это завершается XIII главой второй части «Значение периода пребывания алтайцев в составе русского государства для их истории». Монография заканчивается главой «Алтайцы в советскую эпоху».

Как видно из этого беглого перечня, рецензируемая монография дает стройное и последовательное изложение истории Алтая. В отличие от двух предшествующих работ того же автора, имеющих аналогичные названия — «Очерк истории Ойротии» и «Очерки по истории Шории»², данная монография не ограничена периодом русской колонизации, как первая, или собственно этнографическими сюжетами, как вторая.

Л. П. Потапов не впервые и не только в порядке привлечения аналогий обращается к историческим материалам для своих исследований. Известны его работы собственно исторического характера, например, глава об уйгурском ханстве в макете книги «История СССР»³ или статья «Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период»⁴. Однако упомянутые работы все же не отличаются тем широким использованием собственно исторических данных, которые привлечены в рецензируе-

³ Доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов тов. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде, Госполитиздат, 1946, стр. 28.

¹ С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 21.

² Л. П. Потапов, Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; его же, Очерки по истории Шории, М.—Л., 1936.

³ Ч. III—IV, М.—Л., 1940.

⁴ Изв. Всесоюзного географического общества, 1946, № 2.